

Ольга Посулько, OLGA POSUNKO

Dnieprzański Uniwersytet Narodowy im. Olesia Gonczara, Dniepr (Ukraina)

**«Детские преступления» и преступления
против детей в судебной практике последней
четверти XVIII века
(по материалам Государственного архива
Днепропетровской области)**

Среди исследователей истории Южной Украины XVIII в. бытует мнение об ограниченных возможностях областных архивов для изучения этого периода, поскольку огромное количество документов было уничтожено в катаклизмах XX в. И таким образом период, который, казалось бы, должен быть представлен массовыми источниками, стал достаточно проблематичным для региональных исследований. Исходя из этого, особое значение приобретают те небольшие собрания документов, которым чудом удалось уцелеть.

В поле нашего зрения оказались материалы судебных инстанций Южной Украины – Екатеринославского наместничества (1784–1796) и Новороссийской губернии (1796–1802). Эти административно-территориальные единицы с центром в Екатеринославе (Днепропетровск; ныне – г. Днепр) имели несколько различные границы¹. Но в целом речь идет об одном обширном регионе, включавшем в себя бывшие Вольности Войска Запорожского, частично земли прежней Гет-

¹ М.А. Панфьорова, *Адміністративно-територіальний устрій Південно-Східної України наприкінці XVIII – в першій половині XIX ст.*, в: *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету*, Запоріжжя 1999, вип. 8, с. 119–127; І.В. Савченко, *Територіальний устрій Південної України останньої чверті XVIII – початку XIX ст.*, в: *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету*, Запоріжжя 2006, вип. XX, с. 56–61.

манщины/Левобережной Украины и Слобожанщины. Принципиально, что в состав Новороссийской губернии номинально входил и Крым в качестве Таврической области. Таким образом, сформировался весьма разнообразный по составу населения, традициям и обычаям регион. Определенным образом это нашло отображение и в судебной практике того времени. В том числе это касается и предложенной в данном случае темы.

История детства в Европе выделяется в отдельное направление с 1960-х гг.², с конца XX в. быстрыми темпами развивается в России³, а с некоторого времени становится популярной и востребованной и в современной украинистике⁴. Изучается она в различных дисциплинарных контекстах, но прежде всего в сфере этнографии, педагогики, психологии⁵. В региональном разрезе эти исследования касаются преимущественно Левобережья и Слобожанщины. Однако из поля зрения специалистов фактически выпала Южная Украинаб.

Тема же детской преступности начала волновать, как практикующих юристов, так и историков права Российской империи с 1870-х гг., в период изучения результатов судебной

² І. Сердюк, *Дитина й дитинство в Гетьманщині: соціально-історичний та історико-антропологічний виміри: автореф. ... канд. істор. наук*, Запоріжжя 2018, с. 7–11.

³ О.Е. Кошелева, *Филипп Арьес и российские исследования истории детства*, в: *Вестник РГГУ. Серия Культурология. Искусствоведение. Музеология*, Москва 2010, с. 25–31.

⁴ О. Кись, *Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа*, [в:] *Социальная история. Ежегодник, 20003. Женская и гендерная история*, Москва 2003, с. 156–172; Н.П. Марченко, *Автобіографія дитинства у межах біографічного дискурсу*, в: *Українська біографістика 2012*, вип. 9, с. 90–109, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського: http://nbuv.gov.ua/UJRN/ubi_2012_9_5 [обращение: 8.11.2018]; *Народна культура українців: життєвий цикл людини*, Т. І. *Діти. Дитинство. Дитяча субкультура*, під ред. М. Гримич, Київ 2008.

⁵ Т.В. Орлова, *Історія дитинства – новий напрямок соціальної історії України*, «Гілея: науковий вісник» 2011, вип. 47 (№5), с. 140, 143.

⁶ В. Маслійчук, *Дитина на Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст.: до постанови питання*, [в:] *Збірник Харківського історико-філологічного товариства*, Харків 2006, с. 94–99; І. Сердюк, *Маленький дорослий: Дитина й дитинство в Гетьманщині XVIII ст.*, Київ 2018.

реформы 1864 г.⁷ Новый виток популярности наблюдается с 1990-х гг., в связи с усилившимся интересом к социальной истории. Вскоре такие исследования стали появляться и в Украине⁸. Не случайно, значительная их часть основывается на материалах судебных учреждений, которые позволяют изучать широкий спектр проблем социальной истории, семейных отношений, девиаций в различных слоях общества. Однако информационный потенциал таких источников до сих пор до конца не использован.

В числе практически не замеченных исследователями подобной проблематики оказался и комплекс материалов, сохранившийся в Государственном архиве Днепропетровской области (далее: ГАДО). Несколько фондов этого архива включает собрания документов непосредственно самих судебных учреждений – наместнических и губернских, которые были центральными в регионе, и выступали апелляционными по отношению к уездным. Это фонды Екатеринославского совестного суда, Екатеринославской палаты гражданского суда, Екатеринославской палаты уголовного суда, Новороссийской палаты суда и расправы, Екатеринославского верхнего земского суда. Вместе они насчитывают чуть более 150 архивных дел, каждое из которых

⁷ М. Гернет, *Детоубийство: Социологическое и сравнительно-историческое исследование*, Москва 1911, Российская государственная библиотека: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003777631> [обращение: 8.11.2018]; *Дети-преступники*, Сборник статей с предисл. и под ред. М.Н. Гернета, Москва 1912, Электронная библиотека «Научное наследие России»: <https://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=43733738> [обращение: 8.11.2018]; А.Ф. Кистяковский, *Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских учреждений*, Киев 1878.

⁸ В. Маслійчук, *Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст.*, «Український історичний журнал» 2010, № 2, с. 38–42; Idem, *Дітозгубництво на Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст.*, Харків 2008; Idem, *Неповнолітні злочинці в Харківському намісництві. 1780–1796 рр.*, Харків 2011; И. Сердюк, *Голоса детей и подростков в судебной документации Гетманщины XVIII века*, в: *Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI века: призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Междунар. науч. конф.*, Москва 2014, с. 337–340; Idem, *Эмоциональная составляющая убийства «нечистого» ребенка (эпизод из жизни Гетманщины XVIII в.)*, «Антропологический форум» 2015, № 25, с. 118–144.

заслуживает внимания исследователей. Указанные суды имели свою специфику и, исходя из этого, две группы преступлений, где ребенок либо субъект, либо объект правонарушения, представлены в них по-разному. Если говорить о детях преступниках, то логично предположить, что самое большое количество таких рассмотрений должно было находиться в совестном суде, поскольку согласно статье 399 «Учреждения о губерниях» 1775 г., которое собственно и внедряло новую систему судоустройства, в данном суде должны были решаться дела «преступников, кои... по стечению различных обстоятельств впали в прегрешения..., преступления учиненная безумным, или малолетным и дела колдунов»⁹. Что же до преступлений, где дети оказывались жертвами (чаще всего разного рода насилия), то такие вопросы рассматривались на местном уровне в нижних расправах, уездных судах, а на ревизию подавались в верхний земский суд, палату уголовного суда или (в период нововведений Павла I) в палату суда и расправы.

Кроме вышеназванных материалов не менее важными источниками можно считать сохранившиеся описи уже утраченных фондов. В ГАДО организован фонд 1684, где в виде отдельных единиц хранения собраны все описи ранее существовавших фондов¹⁰. Здесь более 20-ти описей только уездных судов! В этих комплексах документов когда-то хранилось разное количество дел: где-то несколько папок, где-то несколько сотен. Для интересующего нас периода характерны подробные заголовки архивных дел, позволяющие составить определенное представление о специфике работы каждого учреждения, обобщить некоторую статистику.

Прежде чем давать характеристику документам, следует сделать некоторые замечания. Как было указано, Екатеринославское наместничество (затем и Новороссийская губерния) были достаточно большими административно-территориальными единицами с разнообразным населением. Согласно Сенатского

⁹ Положення про губернії. 7 грудня 1775 р., в: В.К. Козирев, *Матеріали до історії адміністративного устрою Південної України (друга половина XVIII – перша половина XIX століття)*, Запоріжжя 1999, с. 77.

¹⁰ Государственный архив Днепропетровской области (далее: ГАДО), ф. 1684 *Екатеринославская губернская архивная комиссия*, оп. 2.

указа от 25 апреля 1777 г. земли бывшей Гетманщины продолжали использовать в гражданском праве нормы Литовского Статута 1588 г.¹¹. Также «на своем праве» оставались иностранные переселенцы, своеобразное самоуправление и судоустройство имели греки и армяне (например, существовали Мариупольский греческий суд, Григориопольский армянский магистрат)¹². Это необходимо учитывать при изучении сохранившихся источников, поскольку случайная выборка документов по интересующему нас вопросу оказалась территориально связана в основном с Левобережьем. В составе наместничества это были Кременчугский (позже Градижский) и Полтавский уезды. В 1790-х гг. добавились Миргородская и Хорольская округи¹³. Но тяжкие преступления всех жителей края должны были разбираться в судах общей юрисдикции и согласно российского имперского законодательства.

Следует оговорить и еще один важный момент, чтобы в дальнейшем не останавливаться в каждом отдельном случае. Речь идет об определении возрастных границ несовершеннолетия, что не раз привлекало внимание исследователей¹⁴. Например, для жителей Левобережной Украины определяющими были нормы ЛС 1588 г и собственного обычного права, где такой границей был 16-летний возраст¹⁵. В пределах же Российской империи именно в XVIII в. законодатель не раз обращался к данному вопросу, начиная с известного закона от 23 августа 1742 г., отменявшем пытку и смертную казнь подсудимым до 17 лет¹⁶.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ): Собр. 1-е, СПб. 1830, т. 20, № 14609, с. 522–523.

¹² Ibidem, т. 21, № 15700, с. 890; т. 22, № 15908, с. 10–11.

¹³ І.В. Савченко, *Територіальний устрій Південної України*, с. 60.

¹⁴ Г. Бабкова, «По несовершенноству лет...»: малолетние преступники в пенитенциарной системе России XVIII в., Российский государственный гуманитарный университет: http://childcult.rsuh.ru/binary/2445266_43.1337591257.13696.pdf [обращение: 8.11.2018]; В. Маслійчук, *Вік дорослішання*; И.С. Храмова, *Уголовная ответственность несовершеннолетних в России в период абсолютизма*, автореф. канд. юрид. наук, Казань 2007, Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat: <http://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-nesovershennoletnikh-v-rossii-v-period-absolyutizma> [обращение: 8.11.2018].

¹⁵ В. Маслійчук, *Вік дорослішання*, с. 41.

¹⁶ ПЗРИ, т. 11, № 8601, с. 641–644.

В последней четверти XVIII в. в судах чаще всего ссылались уже на закон от 26 июня 1765 г., который в криминальных делах устанавливал возраст наступления полной ответственности с 17 лет и проводил еще определенную градацию внутри указанной возрастной категории¹⁷. В документах же судов иногда встречается апелляция и к 18 годам, как возрасту совершеннолетия¹⁸. Путаница происходила из-за отличия местных традиций, а также оттого, что законодатель по-разному подходил к определению возрастного рубежа для различных правовых случаев (возрасту вступления в брак, наследования имущества и распоряжения им, криминальной ответственности и т. п.). Поэтому исследователю часто приходится только констатировать факт совершеннолетия или «малолетства», опираясь на мнение суда.

Мало что решает возрастное самоопределение участников процесса. Общеизвестно, что крестьяне того времени очень произвольно определяли свой возраст, часто его точно не знали (в документах при наличии справок от духовных правлений встречаются расхождения в 2–3 года). Поэтому в случае отсутствия подтверждения из метрических книг, либо на слово верили участникам процесса, либо определяли визуально. Кстати, закон 1765 г. изначально не печатался, рассылался четко по инстанциям и должен был держаться «под секретом»¹⁹. Примечательно, что в одном из дел Екатеринославского совестного суда есть четкое указание на этот факт. Так, в деле о малолетнем предполагаемом убийце Т. Костенко фиксировалось, что дело решается «въ сходство 1765 года июня 26д Правителствующаго Сената секретного указа»²⁰.

Судебно-следственное делопроизводство источниковеды выделяют как часть специальной системы делопроизводства, которая имела свои особенности²¹. Для нее характерен

¹⁷ Ibidem, т. 17, № 12424, с. 174–175.

¹⁸ ГАДО, ф. 467 *Екатеринославский совестный суд* (1784–1855), оп. 1, д. 1, л. 37.

¹⁹ ПЗРИ, т. 17, с. 175.

²⁰ ГАДО, ф. 467, оп. 1, д. 5, л. 44.

²¹ И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории*, Москва 1998, с. 398.

определенный набор источников по видовой принадлежности. Это акты, делопроизводственная документация, учетно-статистические источники. Последняя группа почти не представлена в рассматриваемых мною подборках документов (например, в других архивных собраниях региона в большом количестве есть всевозможные учетные журналы, описи имущества и т.п.). Особенностью судебной документации является также дублирование информации (иногда в несколько разных объемах) в документах разных инстанций. Сколько будет ступеней передачи дела от низшей инстанции к высшей – столько раз и будет описываться ситуация от исходного происшествия до каждого последующего рассмотрения. Самыми объемными являются «экстракты» – то есть заключительные документы следствия и суда, кратко характеризующие абсолютно весь процесс, описывающие законодательную базу, на которую опирается суд при вынесении приговора. При чем, как правило, присутствует не короткое упоминание о том или ином законодательном акте, а достаточно широкое цитирование отдельных статей и параграфов. Это дает возможность использовать историко-юридический метод исследования, позволяющий увидеть, как на практике трактовались и понимались те или иные инициативы законодателя.

Если говорить о каких-либо формальных особенностях документов судебных дел с участием несовершеннолетних (в виде субъекта или объекта преступления), то их фактически нет. Все те же формы документов, разве что «малолетние» не приводились к присяге и отсутствовало описание их внешности. Из «взрослых» характеристик есть упоминания о вероисповедании, иногда указывается национальная принадлежность («малолетний колодник итальянец»; «малороссийской породы мальчик»)²²; семейное положение (нормы церковного права о брачном возрасте не совпадали с возрастом криминальной ответственности).

И так, первыми рассмотрим материалы совестного суда. За интересующий нас период в ГАДО сохранилось 30 дел и опись утраченных документов, в которой зафиксировано 75 позиций. Сначала обратимся к характеристике описи. Из 75 дел в 20-ти

²² ГАДО, ф. 1684, оп. 2, д. 876, л. 1 об.; ф. 467, оп. 1, д. 1, л. 6.

упоминаются несовершеннолетние (что составляет почти 27% от общего числа). В одном случае ребенок – жертва насилия (убит взрослым человеком), в другом речь идет об умерщвлении новорожденного, но и субъект преступления – мать – также несовершеннолетняя. Остальные дела распределены таким образом: 5 малолетних убийц, один – по подозрению в убийстве, один – нанесение ножевых ран; двое знали об убийстве. Также 3 дела по поводу кражи, одно – намерение украсть. 2 преступления сексуального характера – «блудоддеяние» и сожительство со свекром. 1 поджог имения, одно неизвестного характера. В некоторых случаях есть указания имени подсудимого, в некоторых нет²³.

В сохранившихся документах суда эти пропорции еще выразительнее. 11 дел из 30 касаются преступлений, совершенных «малолетними» (именно такое определение наиболее часто присутствует в документах). Причем в нескольких и жертва, и преступник несовершеннолетние. Это 2 дела о детоубийстве новорожденных; одно об изнасиловании; одно об убийстве²⁴.

Следующим по количеству дел с присутствием несовершеннолетнего участника оказался фонд Новороссийской палаты суда и расправы (1781–1800). Хотя нижней хронологической границей фонда определен 1781 г., дела начинаются с 1797 г, что и логично, поскольку это учреждение времени Павла I. Очевидно, 1781 г. апеллирует к дате самых ранних документов в подборке. Поскольку палата была ревизионной инстанцией для уездных судов, то понятно, что в нижестоящих инстанциях дела могли начинаться годами раньше.

В этом фонде сохранились 49 дел. При этом абсолютно все они из Крыма – такова «слепая» выборка. 7 случаев из 49-ти так или иначе относятся к нашей теме. «Детское присутствие» в них выглядит следующим образом: 1 – несовершеннолетний убийца; 1 – соучастник убийства; 2 ребенка изнасилованы (пострадавшие девочка и мальчик, оба девятилетние); одно дело об убийстве новорожденной двойни; в одном случае ребенок – свидетель убийства и в одном поведении ребенка послужило причиной

²³ ГАДО, ф. 1684, оп. 2, д. 876, лл. 1–12.

²⁴ Ibidem, ф. 467, оп.1, дд. 1, 9, 16, 22.

конфликта и убийства²⁵. Есть примеры, когда присутствует фактор неприязненных отношений между местным населением (татарами) и новыми поселенцами, а также солдатами русской армии.

Для «крымских дел» (как их можно назвать для удобства) характерны некоторые особенности. После событий 1783 г. и включения Крыма в состав Российской империи, уже «Штатом Таврической области» 1784 г. предусматривалось в уездных учреждениях наличие переводчика²⁶. И в делах из Крыма, касавшихся местного населения, есть указания на присутствие такового: «при переводе был», «при положении печатей в словесном переводе был и переводил переводчик»²⁷. При этом часто приходилось переводить не только с крымско-татарского, но и армянского, греческого языков. В подборках этого фонда много документов на татарском языке, скрепленных оттисками фамильных перстней-печатей татарских дворянских заседателей.

Даже в тех, на самом деле, немногих сохранившихся в ГАДО «крымских» делах описаны ситуации недопонимания в связи с плохим переводом. Этим злоупотребляли, как российские чиновники, так иногда и участники процесса, которые ту или иную ситуацию оправдывали непониманием русского языка и российских законов. Конечно, были случаи, когда незнание усугубляло судьбу подсудимого²⁸.

Несмотря на то, что канцеляристам приходилось работать с переводчиками, все же в этих делах часто чувствуется большая эмоциональность, если уместно так выразиться по отношению к документам судопроизводства. Например, касательно участников процессов можно встретить такие характеристики: «говорил с азартом»; «поступал... самовластно и дерзко»; «пришел в разгорячение»; «человек горячий и часто с людьми бранится»²⁹.

²⁵ Ibidem, ф. 859 *Новороссийская палата суда и расправы (1781–1800)*, оп. 1.

²⁶ *Штат Таврійської області. 24 квітня 1784 р.*, в: В.К. Козирев, *op. cit.*, с. 277–280.

²⁷ ГАДО, ф. 859, оп.1, д. 1, л. 9.

²⁸ О. Посунько, *Поліетнічне населення Південної України останньої чверті XVIII ст. у судових конфліктах*, в: *Феномен мультикультурності в історії України і Польщі. Матеріали міжнародної наукової конференції*, Харків 2016, с. 189–190.

²⁹ ГАДО, ф. 859, оп.1, д. 8, л. 6; д. 12, л. 14; д. 15, л. 3; д. 48, л. 4 об.

Еще одной особенностью дел указанного фонда является отсутствие внутрисемейных конфликтов. Ограниченное количество материала не дает возможности делать какие-либо хорошо обоснованные выводы, однако оставляет место для предположений. Очевидно, внутрисемейные конфликты, не заканчивавшиеся трагедией, если и выходили за рамки семьи, то решались кадием по местным обычаям. Осмелюсь предположить, что случаи сексуального насилия в семье вообще не выносились на всеобщее обсуждение. Два изнасилования, которые я упомянула, произошли по отношению к детям казенных поселян. Девочка была изнасилована односельчанином, а мальчик – «турецкоподданным греком» торговцем³⁰. Дело об умерщвлении новорожденной двойни также касалось вдовы российского чиновника³¹.

Тематический обзор источников начну с проблемы детоубийства. Под этим термином понимают в основном умерщвление нежелательного ребенка при рождении, вскоре после рождения, сознательное избавление от плода на поздних сроках беременности. Исследования последнего времени показывают, что такие преступления далеко не редкость в жизненной практике указанного времени разных стран и регионов, хотя тема и вызывает определенное общественное неприятие. Эти случаи чаще касались детей, зачатых вне брака, в результате инцеста. Или, как в выше упомянутом случае с вдовой российского чиновника из Ак-Мечети (название Симферополя до 1784 г.), которая родила двойню, пребывая в статусе вдовы³².

Само собой разумеется, что многие случаи детоубийства новорожденных остались неизвестны. В составе дел Екатеринбургского совестного суда находится два таких дела (6% от общего количества), когда женщины-преступницы были несовершеннолетними. В одном случае девушке на момент суда 18 лет, в другом – возраст не установлен (не найдены записи в метрических книгах), хотя весь судебный процесс шел как о несовершеннолетней. Если же сюда добавить дело, документы которого предлагаются в качестве

³⁰ Ibidem, дд. 28, 35.

³¹ Ibidem, д. 30.

³² Ibidem, л. 11.

приложения к данной статье, то таких дел будет три, то есть уже 9,7% (ниже объясняется принадлежность указанных документов к материалам совестного суда).

Также для публикации предложено два документа из фонда Екатеринославского верхнего земского суда, из «Дела по обвинению жителей села Диканька Полтавского уезда девицы Матрены Токаренковой, ее матери Евдокии, бабки Настасьи Кальнички в умерщвлении незаконно прижитого младенца. 2 января 1787 г. – 23 июля 1787 г.»³³. Это «Опись делу», которое отправлялось из Полтавского уездного суда в Екатеринославский верхний земский суд и показания обвиняемой М. Токаренко в Полтавском нижнем земском суде. Полтавский уездный суд передал дело в верхний земский суд, а оттуда, ссылаясь на ст. 399 «Учреждения о губерниях», оно отправлено в Екатеринославский совестный суд. Последние документы дела также подтверждают, что оно находилось в совестном суде. Очевидно, тут произошла ошибка архивистов, которые его в свое время определили в фонд верхнего земского суда (вот почему его уместно посчитать в статистику совестного суда).

Чем примечательны именно это дело и его документы? Во-первых, оно типично. Как указывалось выше, случаев умерщвления новорожденных, избавления от ребенка, зачатого вне брака, достаточное количество. По отношению к детям – это одно из наиболее распространенных преступлений, поскольку другие не всегда попадали в судебное производство. До суда доходили дела, когда ребенок пострадал от тяжкого преступления: изнасилование, убийство. Избиение детей было обыденной практикой и если все заканчивалось благополучно (ведь бывали и случаи смерти ребенка от побоев), то такие истории вообще не интересовали ни общество, ни тем более судебных и полицейских чиновников. Дело примечательно и тем, что мать несовершеннолетняя, хотя из духовного правления так и не было получено подтверждение о ее возрасте.

Показания девушки и то, как они оформлены канцеляристом, также свидетельствуют о многих интересных моментах. Здесь

³³ Ibidem, ф. 375 *Екатеринославский верхний земский суд*, оп. 2 (1777–1787), д. 20.

присутствует информация двух типов: очевидная, передающая содержание дела и скрытая (или неочевидная для постороннего читателя), которую следует «читать между строк». Относительно второго типа. Уже в названии присутствует определение «бабка Настасья Кальничка», которая помогла Матроне избавиться от ребенка. Сама она указывала свой возраст 45 лет, а официальные документы – 42 года³⁴. Такой возраст в условиях XVIII в. может восприниматься как пожилой, но все же кажется более правдоподобным в данном случае указание на род занятий этой женщины. «Бабками» в Украине до сегодняшнего дня называют женщин, занимающихся знахарством. В предварительном решении уездного суда так и было сформулировано, что умерщвление ребенка произошло «употреблением колдовства»³⁵. Это в определенной мере подтверждает и вышеупомянутая ссылка судей на ст. 399 «Уложения», где сказано, что в совестном суде рассматриваются преступления «учиненныя безумным, или малолетным, и дела колдунов»³⁶. Таким образом, по двум параметрам дело подходило под юрисдикцию совестного суда.

Также в тексте представлена ситуация таким образом, что якобы мать Матроны не знала о ее беременности, хотя и спрашивала о том не один раз. Опосредовано присутствует информация, о слухах в селе, которые и дошли до жены прикажчика в имении В. Кочубея³⁷. Вряд ли при таких обстоятельствах мать находилась в неведении. Поэтому после заявлений о незнании матери о происходящем, все же уазывается, что знахарка ей объявила, якобы скрок беременности столь мал, что не о чем и говорить. Все объясняется тем фактом, что в случае поинформированности матери о беременности дочери, она также подверглась бы более суровому преследованию по закону. Поэтому (и не только в данном случае) судебные чиновники формулировали и представляли ситуацию таким образом,

³⁴ Ibidem, л. 105.

³⁵ Ibidem, л. 1.

³⁶ *Положення про губернії. 7 грудня 1775 р., с. 77.*

³⁷ Факт возбуждения судом дел по поводу такого типа преступлений на основе слухов, дошедших «до ушей суда», упоминают и польские исследователи. См.: М. Корзо, *Контроль за соблюдением норм сексуальной морали в польской деревне XVII – XVIII вв., в: Соціум. Альманах соціальної історії*, 2003, № 2, с. 170.

чтобы не было проблем с вышестоящими судебными инстанциями и чтобы не очень расширять круг виновных, с которыми потом нужно было что-то предпринимать.

Другие документы дела, указанные в «Описи», дополняют историю. Отношения у девушки были с солдатом, обещавшим жениться. Он так и не появился в процессе, поскольку из Полтавского легкоконного полка на запрос нижнего земского суда пришел ответ, что Петр Педина «в отлучке» и будет допрошен по возвращению на место дислокации³⁸.

В признании Матрены подробно описан процесс избавления от нежелательного плода (уникальный материал для этнологов!). В деле имеется рапорт полтавского уездного доктора Андрея Сингреди, где определено, что мертворожденный младенец был шестимесячным и погиб от тепловых процедур³⁹.

Приговор коснулся всех трех женщин (несовершеннолетней Матрены и ее матери Евдокии Токаренко, знахарки Анастасии Кальнички), причем размышления о наказании предпринимались еще в Полтавском уездном суде. Местные судебные чиновники опирались на нормы права, предусматривавшие смертную казнь за указанное преступление: 60 артикул 11 раздела ЛС 1588 г., статью 26 из 22-й главы Соборного уложения, Военские артикулы (155 и 163); Морской устав (107 артикул). При этом важно, что, например, 155 статья Военских артикулов говорила о соответствующем наказании и пособников преступления – кто «вспомогали или советом или делом»⁴⁰. Но далее ссылались на указ от 30 сентября 1754 г., заменявший смертную казнь⁴¹. Также согласно ст. 111 «Учреждения о губерниях» дела с необходимостью вынесения смертного приговора передавались в вышестоящие инстанции, поэтому Полтавский уездный суд и отдал его в Екатеринослав.

³⁸ ГАДО, ф. 375, оп. 2, д. 20, л. 104.

³⁹ Ibidem, л. 100 об.

⁴⁰ *Инструкции и артикулы военные*, Санкт-Петербург, 1714, с. 356, Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> [обращение: 8.11.2018].

⁴¹ *ПСЗРИ*, т. 14, № 1036, с. 235–236.

Итоговых по делу документов не оказалось в подборке, но практика судебных решений того времени подсказывает, что все женщины были скорее всего наказаны избиением плетьюми. Есть извещение из Екатеринославской духовной консистории в Екатеринославский совестный суд о наложенной на женщин епитимии: на мать Матроны – 12 лет, на знахарку А. Кальничку – 10. Правда, почему-то нет информации о самой Матроне, хотя и фиксируется, что все женщины должны отрабатывать епитимию в монастыре в течении года, а потом уже дома под присмотром священника⁴². Направлялись все они в Великобудисский девичий монастырь (село Великие Будища недалеко от Диканьки – родного села женщин)⁴³.

Примечательно, что в таких случаях в текстах фактически невозможно найти слов, которые выражали бы какое-то отношение участников процесса к ребенку. Главное, что всех наиболее заботило – это факт блудодеяния. Также важно было установить, в каком состоянии родился ребенок – был он жив или мертв. Если кто из девушек по простоте указывал, что умертвил живого ребенка, наказание было строже. Например, в деле еще одной подданной камер-юнкера В. Кочубея Натальти Рахновной она сначала говорила, что «убоясь стыда» придушила новорожденную девочку в стог соломы⁴⁴. Но позже, в вышестоящих инстанциях утверждала, что «будучи одержима болезнию въ безпамятстве умертвила» ребенка⁴⁵. Скорее всего уже по чьей-то подсказке обвиняемая пыталась облегчить свою участь.

Следующий вид преступлений по отношению к детям, который фиксировался в судах, это преступления сексуального характера. Одно из дел Екатеринославского совестного суда особо примечательно, поскольку и жертва, и насильник были несовершеннолетними. Речь идет о деле Григория Сукманова

⁴² Замена смертной казни церковным покаянием в России XVIII в. стала вполне нормальной практикой. См.: Е. Марасинова, *«Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания*, Москва 2017.

⁴³ Ibidem, л. 113.

⁴⁴ Ibidem, ф. 467, оп. 1, д. 9, л. 11.

⁴⁵ Ibidem, л. 94.

(15 лет), изнасиловавшего девочку 5 лет. На месте (в Хороле) произведены были все необходимые следственные действия. В деле есть полный и логичный рапорт Хорольского городничего надворного советника П. Устиновича, где перечислены документы, с которыми преступник препровождается в Екатеринославский совестный суд. Среди них: прошение хорольского казака А. Господинки (отец потерпевшей девочки), освидетельствование потерпевшей штаб-лекарем Карповским, допрос подсудимого, показания прапорщика Ф. Сукманова (отца преступника), «рота присягам» показания местных жителей о подсудимом. Указывалось, что в Полтавском духовном правлении не смогли предоставить справку о возрасте подсудимого, поскольку записан он в свое время был в полку, где служил отец⁴⁶. Поэтому суд принял информацию о возрасте парня со слов его отца⁴⁷.

Казак А. Господинка жаловался, что Сукманов пришел к его сыну Парфению, вместе с другими детьми они играли полдня. Потом все дети разошлись, а Сукманов завлек маленькую Агриппину, которой «от роду пятый год» в лес и там «снасильничал то есть растлил». Девочка якобы кричала, но никто не слышал и домой пришла вся окровавленная, а на расспросы назвала своего обидчика. Городничий, дополняя рассказ отца, указывал, что А. Господинка желает получить «с провинившихся» 50 рублей, а преступник отдан отцу на поруки⁴⁸.

Рассматривая дело, совестный суд фиксировал, что насильник и сам признался (как известно в XVIII в. признание преступника – важнейшее доказательство, не требующее дополнительного расследования), также врач подтвердил тяжкое преступление, поэтому Сукманов должен быть подвержен тяжелому наказанию. Но суд, «уважая незрелые его лета и узнав лично великое его раскаяние», присудил наказать розгами в присутствии отца, которому потом и отдать «сделав ему внушение чтоб онь сего малолетного своего сына не держаль в праздности»⁴⁹. Также, беря

⁴⁶ Ibidem, л. 22, л. 1.

⁴⁷ Ibidem, л. 6.

⁴⁸ Ibidem, л. 13–14.

⁴⁹ Ibidem, л. 15.

во внимание, что прапорщик Ф. Сукманов «безимущественен» и имеет на воспитании 4-х детей, то сумма компенсации пострадавшей семье назначалась в размере 20-ти рублей⁵⁰.

В деле следует отметить еще несколько примечательных моментов. Тут есть опосредованные указания на умысел преступления. Отец девочки описал это так: «дочь мою Агрипину загулив в ... лес (в украинском языке «загулити» – значит заманить, увлечь)»⁵¹. То есть это не было случайным стечением обстоятельств.

Следующее наблюдение. Само собой разумеется, что судопроизводство и право того времени не оперировало многими понятиями, которые сегодня есть устоявшимися и обыденными. Но сама жизнь вызывала их необходимость. Поэтому, работая с судебными документами второй половины XVIII в., можно выделить какие-то правовые явления, принципы по сути описания, но без их терминологического определения в тексте. В данной истории нами впервые встречается размышления суда о моральном ущербе, который понесла потерпевшая. Для того, чтобы она не «потерпела какого либо поношения и укоризны» (очевидно, предполагалось, что в будущем), было решено выдать ей «свидетельство о ея честности и невинности за подписаниемъ присутствующихъ и спрiloжениемъ печати»⁵². В данном случае испытываешь огромное исследовательское сожаление, что этого документа или его копии не оказалось в деле!

Из текста складывается впечатление, что сами судьи ощущали некую неловкость от своего решения по поводу материальной компенсации и наказания, поскольку отцу Сукманова рекомендовали сына «записать въ службу къ которой онъ способенъ»⁵³. Этот факт также примечателен. Например, известный исследователь социальной истории Слободской Украины В. Маслийчук, предполагает, что отдача в солдаты практиковалась по отношению к несовершеннолетним юношам как альтернатива

⁵⁰ Ibidem, л. 15 об.

⁵¹ Ibidem, л. 4.

⁵² Ibidem, л. 16.

⁵³ Ibidem, л. 15 об.

наказаниям⁵⁴. То есть, не смотря на весь ужас преступления, судом дело решено довольно прагматично и почти ничего в документах не указывало на негативные эмоции участников процесса.

Конечно же, судебные документы описываемого времени имеют определенную форму, язык деловой письменности стандартизуется и формализуется, используется много устоявшихся фраз. Но в различных формах, где фиксировались личные показания допрашиваемых, существует несколько обработанная канцеляристом, но все же прямая речь. Эти фрагменты наиболее интересны для понимания чувств, которые испытывали участники процесса; двигавших ими мотивов. Бесхитростные рассказы о своей биографии «придают черты» общему образу простого человека того времени, который зачастую только через судебный процесс имел возможность оставить «свой голос» в истории. И только дети остаются «безголосыми». В этом случае потерпевший ребенок не опрошен, и во многих других также не считалось необходимым расспросить «малолетнего» ребенка. Исследователи указывают, что во второй половине XVIII в. верхний рубеж «малолетства» определялся двенадцатью годами, а субъектом преступления ребенка считали с 10 лет⁵⁵. Соответственно детей младше этого возраста не опрашивали. Например, в подборке «крымских дел» татарский мальчик 10 лет, который был свидетелем убийства, не смотря на указания вышестоящих чиновников, не был опрошен, поскольку «весьма малолетен и одержим болезнью»⁵⁶. Как правило «одержимость болезнью» была распространенной причиной добровольного или принудительного отказа от участия в процессе.

Теперь о тяжких преступлениях детей. Убийства, в которых они были виновны, (чаще подростки) происходили, как правило, по неосторожности. Впечатляющим является дело Ильи Гелдышенко из Полтавского уезда. Парень очень рано остался сиротой и уже несколько лет работал по найму. Работая в саду, он пошел

⁵⁴ В. Маслійчук, *Неповнолітні злочинці в Харківському намісництві*, с. 165.

⁵⁵ Г.О. Бабкова, «Безгласные граждане»: малолетние преступники в судебной системе России 1750–1760-х годов, Москва 2012, с. 16, 29, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» https://wp.hse.ru/data/2012/12/10/1300376613/WP19_2012_04.pdf [обращение: 8.11.2018].

⁵⁶ ГАДО, ф. 859, оп. 1, д. 35, л. 9 об.

к колодцу, где находился сын местного жителя Алексея Тхора Игнат (возраст неизвестен, но, вероятно, тоже подросток). На просьбу Ильи дать ведро, чтобы напиться воды, последний начал дразнить его и облил водою. Тогда Гелдышенко взял вилы и бросил в обидчика. Волею случая вилы попали в шею (очевидно в сонную артерию) и «оной Игнать упаль тогда жь на землю и скоропостижно умре»⁵⁷. Эмоциональной окраски дела (страшно-го в своей случайности) практически нет. Просто указывается, что Илья намеревался только ударить, но не убить⁵⁸. Очень сдержанно и просто описывается его сиротство при наличии родной сестры с семьей. На момент совершения преступления он жил у зятя, но до этого находился «во услужении» у чужих людей.

Кстати, с возрастом Ильи также не все ясно. Сам он утверждал, что ему 12 лет, но по справке из Полтавского духовного правления оказалось 1559. Исходя из этого, руководствуясь законом от 18 сентября 1763 г. о различиях в наказании несовершеннолетних, решено было Гелдышенко наказать розгами, о чем давалось распоряжение в полицию⁶⁰.

«Нечаянным» убийцей стал и 16-летний Тимофей Костенко, который в Водолагах убил егеря Басова⁶¹. Возраст подростка не был доказан документально, суд вынужден был верить на слово. В состоянии алкогольного опьянения Басов первым начал задевать парня, отобрав у него шапку и требуя денег. Завязалась драка и Тимофей убил егеря⁶². Примечательно, что и в предыдущем деле, и в этом для чиновников суда (а, вернее, для законодателя) подростки одновременно и «малолетние», и взрослые. «Малолетство» учитывалось только законами о наказаниях и месте рассмотрения дела (совестный суд), а остальные параметры были универсальны. Например, о Гелдышенко указвалось, что он «вражды» с убитым

⁵⁷ ГАДО, ф. 467, оп. 1, д. 1, л. 6 об.

⁵⁸ Ibidem, л. 6.

⁵⁹ Ibidem, л. 23.

⁶⁰ Ibidem, л. 40.

⁶¹ Ibidem, л. 5.

⁶² Ibidem, л. 43 об.

не имел⁶³. А относительно данных о Т. Костенко фиксировалось, что он холост⁶⁴.

Часто дети становились соучастниками преступлений. «Втягивали» их в это, как правило, самые близкие люди – родители. «Втягивали», наверное, не очень подходящий глагол, поскольку это происходило так обыденно и просто, как будто речь шла об оказании помощи в хозяйственных делах. Показательным есть дело Екатеринославского совестного суда об участии несовершеннолетних подростков в убийстве (спланированном!) помещика Г. Лисаневича в Алексопольском уезде (приграничье современных Полтавской и Днепропетровской областей). В преступлении задействовано несколько подданных помещика, которые решили отомстить ему за жестокое обращение. Привлечены были три подростка, которые потом судились за осведомленность, но «не объявление» о готовившемся заговоре.

Все три парня были 15-ти лет. Кто-то случайно оказался на панском дворе, когда происходило преступление; кто-то слышал от других. Более всего был «задействован» Матвей Жуков, семью которого недавно Лисаневич купил в Орловском наместничестве и «взял во двор»⁶⁵. Как-то на кухне он услышал разговор о предстоящем «деле» и заговорщики послали его к отцу спросить того «прийдуть ли в ту ночь Лисаневича душишь»?⁶⁶. При убийстве непосредственно подростки не присутствовали, но стояли на страже, видели все дальнейшие действия. Преступление произошло в ночь с 12 на 13 октября 1787 г. Когда же в январе 1788 г. дело уже рассматривал Екатеринославский совестный суд, то Криничанская управа благочиния рапортовала, что подсудимый Иона Рогожин, «будучи долговременною болезнью одержим», умер⁶⁷. Вполне возможно предположить, что умер от жестоких побоев при допросах. Оставшихся в живых подростков решено наказать розгами и отдать

⁶³ Ibidem, л. 36 об.

⁶⁴ Ibidem, л. 43.

⁶⁵ Ibidem, д. 10, л. 2.

⁶⁶ Ibidem, л. 2 об.

⁶⁷ Ibidem, л. 11.

брату помещика Лисаневича⁶⁸. Можно только предполагать каким было отношение этого человека к соучастникам убийства его брата. Но такова была «милость» Фемиды к несовершеннолетним.

Так получилось, что История сохранила в фондах ГАДО небольшую часть имевшегося когда-то огромного комплекса документов судебных инстанций Южной Украины последней четверти XVIII в. Проанализированные в данной статье источники территориально в основном связаны с бывшей Гетманщиной и Крымом, лишь немногие относятся к уездам собственно будущей Екатеринославской губернии. Но в этом также есть показатель своеобразия региона. Екатеринославским судебным чиновникам нужно было иметь представление об обычаях и правах разных групп населения, увязывая их с общеимперским законодательством. Дела о несовершеннолетних не стали исключением. Описи уездных судов, магистратов свидетельствуют, что регион, который быстро заселялся, куда были направлены огромные силы империи (в том числе и военизированные), не всегда привлекал переселенцев с благополучной репутацией. С конца XVIII – в первой половине XIX вв. государство упорно начинает бороться с бродяжничеством. Дети-бродяжки очень часто упоминаются в документах различных инстанций.

Города становятся сосредоточением людей неизвестного происхождения, сомнительной морали. Модернизации и постепенному изменению привычного уклада жизни сопутствует рост преступности. Возрастала также и детская преступность. В это время большинство правонарушений детей были спонтанными, обусловленными образом жизни и базовыми потребностями (в еде, одежде). Но изредка присутствовало и умышленное привлечение детей к преступной деятельности (в основном к грабёжам, кражам). Не зря же законодатель пытался засекретить указ 1765 г., чтобы несовершеннолетие не использовалось как смягчающее обстоятельство в преступлениях. Жизнь ребенка также еще не ценилась на одном уровне с жизнью взрослого. Но исследователи считают, что под влиянием идей Просвещения постепенно происходит изменение отношения законодателя к проблеме

⁶⁸ Ibidem, л. 13.

детской преступности. От понимания наказания как возмездия, устрашения приходят к мысли о необходимости и возможности социальной реанимации детей-преступников⁶⁹. Исправительные учреждения появятся в Российской империи уже в XIX в. В период же, который представлен в статье, судьи «малолетство» трактуют как смягчающее обстоятельство для правонарушителя. Но это же «малолетство» являлось и причиной, по которой ребенок-жертва преступления не воспринимался законом наравне со взрослым, не говоря уже о каких-то приоритетах.

Документы^{70*}

№ 1

Л. 11.

Опись делу отправляемому Ектеринославского наместничества Верхнего земского суда въ 1й департаментъ о колодницахъ подданныхъ двора ЕЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА камеръ юнкера Виктора Кочубея девице Матрены, матери ее Матрены Евдокии Токарековых и Настасьи Калнички, оказавшихся въ умерщвлении незаконно прижитого девицею Матрению Полтавского легкоконного полку съ салдатомъ Петромъ Пединою мужеска полу младенца, учиненнаго въ Полтавскомъ уездномъ суде февраля «22» д 1784 года

1. Рапортъ Полтавского нижнего земского суда генваря «26»д полученной съ присылкою при ономъ означенныхъ колодницъ на двухъ листахъ

⁶⁹ И.С. Храмова, *Уголовная ответственность несовершеннолетних*, с. 19.

⁷⁰ ГАДО, ф. 375, оп. 2, д. 20. Дело по обвинению жителей села Диканька Полтавского уезда девицы Матрены Токаренкова, ее матери Евдокии, бабки Настасьи Кальнички в умерщвлении незаконно прижитого младенца. 2 января 1787 г. – 23 июля 1787 г.

* Документы публикуются языком оригинала. Сокращения под титлами раскрыты, выносные буквы и их сочетания включены в строчку. Некоторые старые кириллические буквы заменены, твердый знак в конце слов оставлен. Поврежденные места, непечатанные слова обозначены троеточием. Непечатанные подписи обозначены квадратными скобками, в которые вписано слово «подпись». Расшифрованные слова, подписи поданы в квадратных скобках. Пунктуация сохранена. Номера листов и их оборотов указаны.

2. Рапортъ писаря Григорія Задорожного генваря «7» въ нижній земский судъ поданой на двухъ листахъ
3. Определеніе нижнего земского суда того ж «7» генваря учиненное на двухъ листахъ
4. Допросъ въ нижнемъ земскомъ суде генваря «7» у Матрены Токаренковой взятой на двухъ листахъ
5. Определеніе нижнего земского суда генваря «8» учиненное на двухъ листахъ
6. Рапортъ въ нижній земский судъ отъ лекаря Сингреди генваря 8го поданной на двухъ листахъ
7. Определеніе нижнего земского суда генваря «8» учиненное на двухъ листахъ
8. Допросъ въ нижнемъ земскомъ суде генваря «20»го у Настасіи Калнички взятой на двухъ листахъ
9. Допросъ взятой в ономъ же суде генваря «20»го у Евдокіи Токаренковой на двухъ листахъ
10. Определеніе нижнего земского суда генваря «25» учиненное на двухъ листахъ

Л. 11 об.

11. Определеніе Полтавского уездного суда учиненное «26» генваря на двухъ листахъ
12. Допросъ въ помянутой Матрены Токаренковой въ семь суде «26» генваря взятой на четырехъ листахъ
13. Допросъ у Евдокіи Токаренковой въ семь же суде 26го генваря взятой на двухъ листахъ
14. Допросъ у Настасіи Калнички того ж 26 числа взятой на двухъ листахъ
15. По онымъ журналная выписка «27» генваря на шести листахъ
16. Сообщеніе Полтавского легкоконного полку февраля «8»го полученное на двухъ листахъ
17. По нему журналная выписка «8» февраля на двухъ листахъ
18. Рапортъ Полтавского нижнего земского суда февраля 9го полученной на двухъ листахъ
19. Показаніе обыскныхъ людей февраля «6» за Мотрону Токаренкову на двухъ листахъ
20. Показаніе обыскныхъ людей февраля «6» за Евдокію Токаренкову на двухъ листахъ

21. Показаніе обыскныхъ людей февраля «6» за Настасію Калничку на двухъ листахъ
22. Роти присяги того ж «6» февраля по коей присягали обыскные люди на двухъ листахъ
23. Журналная выписка февраля «9» на двухъ листахъ
24. Сообщение Полтавского духовного правленія февраля «15» на двухъ листахъ

Л. 12

25. Журналная выписка февраля «16»го на двухъ листахъ
 26. Объявленіе Матроны Токаренковой февраля «16» на двухъ листахъ
 27. Объявленіе Евдоки Токаренковой февраля «16» на двухъ листахъ
 28. Объявленіе же Настасіи Калнички февраля «16» на двухъ листахъ
 29. Журналная выписка февраля «17» на двухъ листахъ
 30. Записка сего уездного суда въ Полтавской уездной архивъ февраля «17»го на двухъ листахъ
 31. Экстрактъ учиненной февраля «18» со всего онаго дела на восьми листахъ
 32. Журналная выписка февраля «19»го о учиненіи особого протокола на четырехъ листахъ
- Секретарь Козьма Анисимовъ
 Столаначальникъ ... [подпись]

№ 2

Л. 56

1787 года генваря 26 дня прислана при рапорте ись Полтавского нижнего земского суда подданная двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА камеръ юнкера Виктора Кочубея Полтавского уезда села Диканки жителя Кирила Токаренка дочь за незаконно рожденного нею мертвого мужеска полу младенца по силе учиненного протокола въ присутствіи Полтавского уездного суда при священническомъ увещеваніи добровольно спрашивана и показала

Зовуть ея Матрона прозывается Токаренкова дочь Кирилова отъ роду ей шестнадцать летъ исповеданія православного грамоты

читать и писать не умеет, родилась она Екатеринославского наместничества Полтавского уезда в селе Диканки от отца Кирила и матери Евдокии Токаренковых, подданных оясненного села Диканки нынешнего владельца камеръ юнкера Виктора Кочубея, по ревизии 782 года записана при родителях ея в ономъ селе за отцомъ камеръ юнкера Виктора Кочубея умершимъ статскимъ советникомъ Павломъ Всиліевичемъ Кочубеемъ. А прошлого 1786 году в генваре мсце какого же числа не знает, но помнитъ что скоро после праздника Богоявленія Господня, занявши квартиру в доме отца ея Кирила Токаренка Полтавского легкоконного полку солдатъ Петро Педина, и познакомясь съ нею Матроною будучи несколько разъ на вечерницахъ соглашалъ ея къ содеянію съ нимъ телесного греха, чемъ сначала она Матрона гнушалась, и имела къ таковому поступку крайнее омерзение, но после бывъ убеждена его Педины обещаніемъ что он совокупится съ нею Матроною

Л. 56 об.

законнымъ бракомъ дала слово темъ одного Петра желаніемъ не противиться продолжая такимъ образомъ откровенно съ прописываемымъ салдатомъ Пединою объхожденіе, в одинъ день того же генваря мца а в какой точно не вспомнитъ паки хадила съ нимъ в вечеру гулять на место такового в селе Диканки собранія и тамо находилась тогда до позднего времени возвращаясь же отътоле съ нимъ Петромъ в домъ, зашли на гумно отца ея Мотроны и тамо съ нимъ Пединою легла в соломе спать тутъ по возобновленіи имъ Петромъ своего желанія къ содеянію телесного греха и сильного обещанія ко вступленію потомъ съ нею в законный бракъ бывъ и она Матрона къ тому согласна более по обнадеживаніи себя что иметь его Петра законнымъ супругомъ, не прекословила ему Петру растлить ея Матрону, что онъ Петро в то самое время и исполнилъ, и после того обращалась она съ нимъ Петромъ Пединою в блудодеяніи тайно отъ отца и матери съ того самого дня даже до выхода весною его Педины зъ села Диканки съ протчими салдатами в лагирь. А в день мясопуста на Петровъ постъ 786 года почувствовала что она Матрона отъ того телесного ея съ Пединою греха понесла плодъ, и хотя о семъ никому съ постороннихъ и домашнихъ не объявляла, но мать ея Матроны

видно приметивъ что нетъ у нея месячной крови, неединожды спрашивала ея не беременна ли, однако она Матрона въ томъ ея грехе всегда таилась, а въ Филиповъ постъ 786 году послѣднихъ чисель ноября во время

Л. 57

ея Матроны болезни паки мать ея вопрошала не беременна ли, но когда она Матрона и тутъ потаилась то призвавши она ея мать объявленнаго Кочубея подданнаго Тихона Калника жену Настасію просила оную Калничку ея Матрону осмотреть не беременна ли она, почему и исполнивши Настасія Калничка матери ея Матроны прошеніе говорила ей тогда что она Матрона не беременна, но приостановилась исходящая помѣсячно натуральная кровь, отчего де она и болна, однако ежели отецъ ея Матороны окуеть предъ тимъ просимой ею Калничкою сундукъ, то она въ таковой ея Матроны болезни учинить вспомошествованіе, на что бывъ мать ея Матроны согласна /: хотя наконецъ остался сундукъ и неокованъ:/ просила означенной Настасіи Калнички сказать ту помощь тогда же, въ следствіе чего и приказала она Настасія Калничка ей Матроне варить въ непочатой воде красное просо, рожь, и траву барвинокъ, и когда крепко сварится то оставшюю воду пить по утрамъ натошакъ сколько можна поболше, что она на другой день учинивъ продолжала сіе съ неделю времени, и отъ того чувствовала въ брюхе журчаніе, а потомъ пришедши къ ней воспоминаемая Настасія Калничка предвечеромъ въ день воскресный какого же месяца и числа не ведаеть, но помнитъ что предъ праздникомъ Святителя Христова Наколая скинула ей Матроне на брюхе и бокахъ четыре раза горшокъ, и того же

Л. 57 об.

дня ночью приметила она Матрона что бывшей въ утробе ея младенецъ престалъ иметь движеніе, Калничка жъ заповѣдавши ей пить прежде употребляемую воду обещалась прийти на другой день, и когда пришла въ понедельникъ рано, то опять ея осматривала, при ... случае объявивъ матери ея, что она Матрона беременна сказывала, что бремя сіе маловременное и не более еще месяца почему и можетъ оно выйти изъ нее вмѣстѣ съ месячною

кровию, а потомъ начала скидывать горшки, коихъ и кинула три, после чего уведомивъ уже и она Матрона мать свою отъ кого тотъ плодъ понесла, ожидали исполненія словъ Настасією Калничкою сказанныхъ, и на третій потомъ день то есть во вторникъ под отлучку матери ея Матроны поутру съ ... отъ того бремени она Матрона разрешилась мертвымъ мужеска полу младенцемъ, и до возвращенія еще матери въвернувъ одного младенца въ платокъ схоронила въ коморе въ бочке стоявшей съ пшеницею въ намереніи томъ чтобы на другой день погребти его по совету Настасіи Калнички въ сеняхъ въ прирубнике, по приходу ж матери въ домъ хотя спрашивала ея приметивъ текущую из нея кровь, родила ли она Матрона ребенка и где девала, но она Матрона отъветствовала ей держась словъ Калнички что родившееся такъ мало что и приметить его не можно, и потому на месте рожденія

Л. 58

зарила его в земле, и на другой день по отлучке же матери съ дому зарила того младенца какъ вишеписанно въ сеняхъ въ прирубнику, и о семъ никому не объявляла, потомъ на третий день то есть въ четвертокъ пришедши въ домъ частописанная Настасія Калничка советовала ей Матроне для остановленія теченія съ груди молока мазать титки чеснокомъ, что когда она Матрона учинила то хотя и чувствовала дня съ три въ грудяхъ тяжесть, однако жъ видела отъ того мазанья совершенную ползу; а сего 787 году генваря «3»го будучи призвана она Матрона въ домъ Кочубея чрезъ десятника Пархома Решетника женою тамошнего прикащика по имени Егора, была вопрошаема что слыхала она о ея Матроны бремени, но какъ она отъветствовала что бременною никогда не бывала, то призвавши та женщина неизвестную ей Матроне бабу, велела осмотреть, и какъ по осмотру объявила баба что она уже отъ бремени разрешилась, а предъ помянутая прикащикова жена требовала у нея Матроны о томъ признанія, и где рожденного младенца девала, то она Мотрона ничего не утаивая призналась ей во всемъ по вышеписанному, въ семъ случае по повеленію оной прикащиковой жены вышеписанной десятникъ Решетникъ пришедши въ домъ отца ея Матроны отрылъ погребенного нею младенца и взявъ его отънесъ при препровождении ея Матроны въ домъ Кочубея отъколь отправлена въ нижний земскій судъ

Л. 58 об.

а съ оного и въ сей судъ прислана. На воровствахъ и другихъ никакихъ преступленіяхъ не бывала, и того ни за какие не ведаеть, и въ семь допросе показала она самую сущую правду без всякой чего либо утайки, такъ что ни въ чемъ более по следствию обличена быть не можетъ, а естли показала несправедливо и въ томъ по следствию была бы обличена то подвергаетъ себя осужденію по всей строгости законовъ: коему допросу колодница Матрона Токаренкова подписалась а вместо нее неграмотной по ее устному рукосказанному прошенію руку приложилъ полтавской житель регистраторъ Василий [Соколовъ]

При семь допросе Мотрону Токаренкову увещеваль настоятель іерей ... [Симоновский]

Сей допросъ колоднице Матроне Токаренковой въ присутствіи Полтавского уездного суда читанъ которой что она утвердила въ томъ свидетельствую

секретарь Козьма [Анисимовъ]

Summary**„Offenses of children” and Crimes Against Children
in the Judicial Practice of the Last Quarter of the Eighteenth
Century Based on the Materials of the State Archive
of Doneckopietrovsky District**

The article deals with the materials characteristics of the judicial institutions of the last quarter of the 18th century taken from the State Archive of the Dnipropetrovsk Region. Their information capabilities for the disclosure of child crime issues are analyzed. The incidents of crimes against children are also considered. Attention is paid to the difficulties of determining the age of full criminal responsibility in the specified period. Cases on these issues are found mainly in the records of the Ekaterynoslav Conscience Court, the Ekaterynoslav Sovereign District Court, the Novorossiysk Chamber of the Court. Also, certain statistics are provided with an inventory of the lost records in the archive of the period under study.

Typical juvenile crimes are thefts, serious bodily harm (including murder) through negligence. There are also offenses in which children were involved by adults:

robbery, arson. In relation to children, crimes against them are mostly violent: defilement, sexual and physical abuse. A special kind of crime is the killing of an illegitimate child. The documents show the mediated participation of children in court proceedings: until a certain age they could not be witnesses, did not take part in investigative actions. The analyzed materials provide opportunities to explore new aspects of the social history of southern Ukraine, namely the history of childhood.

Streszczenie

„Dziecięce zbrodnie” i przestępstwa przeciwko dzieciom w praktyce sądowej w ostatnim kwartale XVIII wieku w świetle materiałów z Archiwum Państwowego Regionu Dniepropietrowskiego

Artykuł jest poświęcony charakterystyce przestępczości dziecięcej a także przestępstwom przeciwko dzieciom w świetle akt sądowych z ostatniej ćwierci XVIII wieku przechowywanych w Archiwum Państwowym Obwodu Dniepropietrowskiego. Materiały dotyczące zagadnienia przede wszystkim znajdują się w zbiorach Jekaterynosławskiego Sądu Sprawiedliwości, Jekaterynosławskiego Wyższego Sądu Ziemskiego, Noworosyjskiej Izby Pokrzywdzonych i Przemocy, Jekaterynosławskiej Izby Sądu Karnego, Jekaterynosławskiej Izby Sądy Cywilnego. Ponadto, niektóre dane zostały pozyskane z opisów utraconych zbiorów archiwum.

Typowymi zbrodniami „dziecięcymi” były kradzieże, ciężkie uszkodzenia ciała (w tym zabójstwa), zaniedbanie. Przestępstwami, w których były wykorzystywane dzieci przez dorosłych to przede wszystkim napady rabunkowe i podpalenia. Przestępstwami dokonanymi wobec dzieci najczęściej były gwałty dokonane na nich, czyli: znieważenie, nadużycia seksualne i fizyczne. Wyjątkowy rodzaj przestępstwa to zabójstwo. W artykule zwrócono uwagę na trudności związane z określeniem wieku pełnej odpowiedzialności karnej młodocianych. Akta zgromadzone w archiwum ukazują pośredni udział dzieci w postępowaniach sądowych: do pewnego wieku dzieci nie mogły być świadkami, nie brały udziału w śledztwach. Analizowany materiał daje możliwość poznania nowych aspektów historii społecznej południowej Ukrainy, historii dzieciństwa.

Słowa kluczowe: historia dzieciństwa, południowa Ukraina, gubernatorstwo jekaterynosławskie

Keywords: history of childhood, Southern Ukraine, Ekaterinoslav viceregency